

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

А. Н. Козлова

СТРАНИЦА ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Одной из славных страниц истории народов Дагестана является их борьба против полчищ знаменитого завоевателя Надир-шаха (1736—1747). В этой борьбе они сумели отстоять свою свободу и нанести тяжелые удары завоевателям, послужившие одной из непосредственных причин крушения империи Надир-шаха.

Очень богатый и разнообразный материал, позволяющий осветить многие стороны жизни народов Дагестана первой половины XVIII в. и их борьбу с Надир-шахом, мы находим в трехтомном сочинении мервского визиря Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири». Уникальные рукописи всех трех томов этого сочинения изданы факсимильным способом Н. Д. Миклухо-Маклаем, благодаря чему источник введен в научный обиход.

Отдельные части труда Мухаммад-Казима, относящиеся к походу Надир-шаха в Индию и к истории туркмен и Туркмении, переведены на русский язык и опубликованы [4; 6]. Однако обильные и ценные данные из этого источника, относящиеся к истории Дагестана, до сих пор еще слабо изучены.

В нашей статье изложен извлеченный из труда Мухаммад-Казима материал по истории первого этапа борьбы народов Дагестана против войск Надир-шаха, связанного с походом на Дагестан Ибрахим-хана, брата Надир-шаха и его наместника в Азербайджане. Борьба народов Дагестана против агрессии Надир-шаха была длительной, в ней можно различить несколько этапов. Материал из сочинения Мухаммад-Казима, характеризующий эту борьбу, равно как и все другие сведения, в той или иной мере касающиеся истории Дагестана в первой половине XVIII в. и взаимоотношений между дагестанскими народами и Надир-шахом, целиком переведены нами, но объем этих данных далеко выходит за рамки одной статьи и может быть опубликован в последующих работах.

История рассматриваемого здесь похода Ибрахим-хана очень слабо освещена в научной литературе. Нам не известно ни одной работы, которая специально была бы посвящена этому походу, к причинам чего следует отнести скудость сведений о нем во всех источниках, кроме сочинения Мухаммад-Казима. В известном персидском труде по истории Надир-шаха, принадлежащем перу его официального историографа Мехди-хана Астрабади, рассказу о походе Ибрахим-хана отводится всего несколько строк [10, 342]. В русских источниках, имеющих перво-степенное значение для изучения истории Дагестана XVIII в., тоже очень немного говорится о походе на Дагестан и о гибели Ибрахим-хана [3, 210].

Мухаммад-Казим во втором томе своего сочинения отводит походу Ибрахим-хана целых три главы [7, лл. 1666—1786]. Главы эти содержат рассказ (самый подробный, какой мы до сих пор знаем) о походе Ибрахим-хана, сообщенный современником и частично участником его похода. Уже отец автора был тесно связан с Ибрахим-ханом и находился у него на службе в бытность последнего правителем Азербайджана. Сам Мухаммад-Казим в возрасте 16 лет поступил на службу к Ибрахим-хану и принял участие в его походе на Дагестан. Правда, он не до конца оставался в армии Ибрахим-хана. С ней он дошел до округа Ках (ныне территория Северного Азербайджана), а затем вернулся к себе на родину, в Мерв.

Бликие отношения, существовавшие между Ибрахим-ханом и семьей Мухаммад-Казима, несомненно, и побудили этого автора уделить в своем сочинении особое внимание Ибрахим-хану и со всей возможной подробностью рассказать о его судьбе. Материалами Мухаммад-Казиму послужили прежде всего собственные наблюдения и рассказы участников событий.

Надо отдать справедливость нашему автору: он неплохо использовал свой материал и дал нам довольно полный, со многими ценными и интересными деталями рассказ о походе Ибрахим-хана в Дагестан. Этот рассказ Мухаммад-Казима впервые был использован английским историком Локхартом в его известной монографии о Надир-шахе [9, 169—173]. Однако в работе Локхарт не мог уделить много внимания походу Ибрахим-хана в Дагестан, поскольку этот поход был только одним из многочисленных эпизодов кровавого царствования Надир-шаха.

Как можно установить по сообщенным Мухаммад-Казимом данным, поход на Дагестан Ибрахим-хан предпринял весной или в начале лета 1738 г. О причине, побудившей Ибрахим-хана выступить в поход, и о его начальном этапе наш автор рассказывает следующее: «... в это время прибыли гонцы из Хорасана от Али-Кули-хана сына прославленного наиба (Ибрахим-хана), и доложили, что Наваб-джаханбани Реза-Кули-мирза¹ вышел из благословенной земли [Мешхед] и завоевал мать городов Балх и окрестности Хисара, Гузара, Кобадiana, Куляба и пр. В области Карши Реза-Кули-мирза уже сразился с царем подобным Афрасиабу — с Абулфайз-ханом, падишахом областей Мавераннахра, и нанес ему поражение [7, 1686] и скоро покорит все края того государства... Узнав о деяниях Реза-Кули-мирзы, Ибрахим-хан сказал: „Он в таком молодом возрасте покорил страны Мавераннахра, нам надо также пойти и захватить страну Дагестан“. Вследствие таких пустых соображений [Ибрахим-хан] написал приказы в разные города Азербайджана, чтобы ханы и вожди племен пешими и конными собрались бы и присоединились к стремени Ибрахим-хана. В соответствии с приказом Ибрахим-хана воины [округов и племен] Урмии, афшар, мокадам, мокри, думбули, Мараги, Сук-Булака, Бар-кешада и Карадага вошли в Табриз. В полной готовности со всем необходимым [войска] несчетной численности с пушками фальконетами направились в Карабаг. Во время вступления в те места к высокому стремени Ибрахим-хана в неисчислимом множестве прибыли газиши ширванские, ереванские, грузинские, ганджийские и карабагские. Ибрахим-хан выступил из окрестностей Барде, направился к берегам Аракса и Куры и

¹ Старший сын Надир-шаха. «Царственный наваб» (наваб джаханбани) — титул Реза-Кули-мирзы. Слово «джаханбан» означает «правитель мира» и является эпитетом царя; поэтому «джаханбани» (царский, царственный) соответствует слову «императорский». Наваб — обычно «заместитель», «наместник», но здесь это слово употребляется в смысле «принц», так как и Насраллах-мирза именуется навабом [6, 188].

там сделал остановку; опытным мастерам и знающим архитекторам приказал построить хороший мост. Победоносные войска в полном спокойствии перешли на другую сторону реки и остановились. В тамошних пределах Ибрахим-хан произвел смотр войнам. Около тридцати двух тысяч победоносного войска собралось у счастливого стремени². И соединившись в одно целое, они составили такую армию, какой никто не видывал» [7, 169а].

Перейдя с войсками р. Куру и вступив в тогдашние пределы южного Дагестана, Ибрахим-хан сделал попытку привлечь на свою сторону дагестанских феодальных владетелей. Но на его призыв откликнулся один только владетель Каха³ и Каника⁴. Все другие дагестанские феодальные вожди и правители решительно отвергли требования Ибрахим-хана. Против владетеля Каха и Каника, т. е. Малого уцмий, энергично выступил Муртаза-Али, сын сурхая — знаменитого казикумукского владетеля. Об этих событиях Мухаммад-Казим, называя здесь и далее всех дагестанцев «лезгины», повествует так: «Когда Ибрахим-хан с войнами подобно волнующему морю перешел воды Аракса и Куры, он сразу же написал письмо на имя лезгинского уцмий⁵, бывшего хакимом и владетелем Каха и Каника. [В письме говорилось]: „Если ты в союзе и единении с нами, то насколько возможно обеспечить продовольствием победоносные войска, сам же явись в высочайшую ставку, тогда будешь награжден безмерной милостью“» [7, 169б].

По получении этого письма упомянутый уцмий с группой кедхуда и старейшин направился в ставку Ибрахим-хана, а Большому уцмий, Шамхалу⁶, Мулла Ша'бану, Муртаза-Али, сыну сурхая — написал послание, в котором сообщал, что «брат его величества Сахибкирана [Надир-шаха] с большим войском подошел к берегам реки Аракс и прислал мне письмо, мы с кедхуда и старейшинами направилсь на службу к Ибрахим-хану. И вы, предводители войска, также оставьте вражду и споры; в случае, если вы явитесь в ставку Ибрахим-хана, дела пойдут как следует». Уцмий послал это письмо, а сам направился в ставку Ибрахим-хана. Когда же «лезгинские предводители и вожди племен ознакомились с содержанием письма уцмий, они не подчинились и стали готовиться к войне, порешив биться насмерть».

Как сообщает далее наш автор, «от того, что уцмий ушел на службу в ставку Ибрахим-хана, омрачилось сердце Муртаза-Али, сына сурхая. У него был слуга по имени Микаил, который в день сражения походил на Рустам-Дастана и Сам-Наримана⁷ [7, 169б]. Муртаза-Али приказал ему с десятью другими слугами преследовать уцмий, напасть на него в любом месте, где только достигнут, добыть сведения о кызылбашском войске и вернуться. Микаил и с ним десять человек выступили из местности Джар и Телле⁸, совершив набег на берега Окри-чайя⁹. Перейдя эту реку, [Микаил] у берегов Аракса поймал воина из победоносного войска, который отдалился от лагеря примерно на

² В статье Новосельцева [8, 116] ошибочно указывается, будто во главе этой тридцатидвухтысячной армии стоял сам Надир-шах. В то время Надир-шах находился в Пешаваре и руководил завоевательными походами в Индии.

³ Ках — селение северо-западнее Нухи [7, 8].

⁴ Каник — по-видимому, современный Баш-Гейнюк. Ашаги-Гейнюк — селение между Кахом и Шеки.

⁵ Уцмий — владелец Кайтагский и Каракайтагский [2, 99, 108].

⁶ Бутков сообщает, что «уничтоженное достоинство шамхала паки в роде его восстановилось по Ганджийскому трактату, и в 1737 г. был шамхалом Казбулат» [2, 139].

⁷ Рустам и Сам — герои эпической поэмы Фердоуси «Шах-наме».

⁸ Селения, расположенные в современном Северном Азербайджане.

⁹ Орошает северную часть Шаки и течет с востока на запад, впадая в Алазань [5, 106].

полмили¹⁰ для сбора фуража, расспросил о кызылбашском войске и повернул обратно. В полночь в лесу наткнулись на уцмия и кедхуда. [Микаил] отошел в сторону, чтобы уцмий и кедхуда прошли лес. На некотором расстоянии повстречали слуг уцмия с тремя лошадьми и мулами, которые везли тысячу ашрафи деньгами и какое-то количество ткани и прочего, предназначенного в подарок Ибрахим-хану. Убив двух слуг, погнали коней в страну Джар и Телле. Оставшиеся слуги добрались до уцмия и рассказали о происшедшем. Поневоле оставшаяся милою до лагеря Ибрахим-хана уцмий прошел с большой скоростью и поступил к нему на службу, доложив о мятеже сына сурхая» [7, 170а].

Враждебное отношение населения Дагестана к завоевателям побудило Ибрахим-хана продвигаться в глубь территории с большими предосторожностями. Благодаря измене Малого уцмия войскам Ибрахим-хана удалось сравнительно благополучно проникнуть в округ Ках. Здесь было решено построить крепость, которая послужила бы базой для вторжения на территорию Джар и Телле. Мухаммад-Казим рассказывает об этом следующее:

«Было постановлено, чтобы Али-Наки-бек Мерви сын Рахман-Кули-султана с тысячьо человек преследовал Микаила, захватил бы и привел его в ставку... В ту же непроглядную ночь с победоносным войском направился [Али-Наки-бек] в упомянутые места. В ту ночь до восхода солнца прошли 20 миль. Дойдя до берега реки Окри-чай, они не обнаружили следов тех людей в лесу. Целый день он шел по дорогам Дагестана и на закате добрался до ущелья Нарли¹¹. [Али-Наки-бек] решил остановиться на привал, тем более что была об этом договоренность, пока войско Ибрахим-хана не прибудет. Трое суток они находились там на страже, пока не прибыл Ибрахим-хан с жаждущим местами войском.

На следующий день поднялись с привала и, перейдя реку Окри-чай, вступили в леса Дагестана. На каждой остановке строили неприступные укрепления и таким путем прибыли в крепость Ках, местопребывание уцмия. Было решено в том краю построить большую крепость, чтобы оставить там пожитки и тяжелый обоз в случае похода на крепость Джар и Телле. Ежедневно караульные доходили до Ак-бурдж (Белая башня)¹², которая была построена в прежние времена при находящемся ныне в раю шахе Аббасе Сефеве, и не обнаружили там следов лезгин» [7, 170б].

В тот день Ибрахим-хан устроил большой маджлис и пригласил всех ханов и султанов, которые находились при победоносном стремени. В их числе были: Хан-Джан, сын Мухаммад-Али-хана, который из Кандагара был назначен правителем Грузии после смерти Сафихана Багаери, сердара Грузии, последовавшей во время пребывания Ибрахим-хана в Табризе, а ныне он [Хан-Джан] с грузинскими воинами находился у счастливого стремени; еще были — Угурлу-хан, хаким Ганджи; Хусан-Али-хан, брат Угурлу-хана, хаким Барде; Мухаммад-Кули-хан Афшар, хаким Урмии; Мухаммад-Реза-хан Курд, хаким Мараги; Имам-Кули-хан, хаким Ардебиля; Муртаза-Кули-хан, хаким племени думбули; Али-Наки-хан Мокри, хаким Сук-Булака, и прочие военачальники, предводители и тысячники. Он (Ибрахим-хан) спросил их мнение о походе на Джар и Телле. Военачальники порешили так: выступив

¹⁰ М и л я (м и л) — скорее всего, это арабская миля; длина ее в разные времена и в разных местах колебалась от 750 м до 1,5 км.

¹¹ Пока расположение этой местности (ущелья) определить не удалось.

¹² Точное место этой крепости, расположенной, судя по тексту, между Кахом и Джаром, нам установить не удалось.

с этого привала, оставить свой обоз и тяжелое снаряжение вблизи Ак-бурдж, построить другую крепость, часть победоносного войска поместить там, а самим направиться к Джару и Телле. Ибрахим-хан одобрил сей совет и побудил победоносное войско как можно скорее построить крепость, чтобы затем двинуться в Джар. Газии¹³ приложили старание к [исполнению] вверенного им дела [7, 171a].

Во время пребывания войск Ибрахим-хана в округе Ках сюда пришел приказ от Надир-шаха отпустить всех воинов — уроженцев Мерва и отправить их на родину. Мухаммад-Казим, будучи сам мервского происхождения, подпал под действие этого приказа. После некоторого колебания он оставил армию и вернулся в Мерв. О дальнейших действиях Ибрахим-хана наш автор пишет: «Когда Ибрахим-хан оставил свой обоз в новой крепости Ках, он направился в сторону Джар и Телле. После прибытия в местность Ак-бурдж у подножия селения на горе, которая примыкает к землям джарского племени, Ибрахим-хан строил новую крепость. Артиллерию, арсенал и прочее тяжелое снаряжение он оставил в той крепости. Спешив половину победоносного войска, он в полной готовности двинулся в непроходимые горы» [7, 172b].

Как же отделило население Дагестана на вторжение врагов в свои родные земли? Рассказ об этом у Мухаммад-Казима красочен и выразителен. Приводим его полностью.

«Когда [джарцы] узнали о прибытии кызылбашских войск и Ибрахим-хана, они послали гонцов к сурхаю и к Большому уцмию, которые пребывали в Табарсаране, написав им: „Сейчас нечистые кызылбашские воины во главе с Ибрахим-ханом, братом Надира сахиб-кирана, вошли в пределы Дагестана. Вам следует теперь прибыть к нам ради народа, религии и веры имамитской¹⁴, проявить единение с нами и оказать помощь“. После получения этого послания первым делом они (т. е. Большой уцмий и сурхай) перевели свои семьи в укрепленные места, отправив их в округа Кирама¹⁵, Киака¹⁶ и Кичи¹⁷. Сами же переградили все проходы и занялись подготовкой к обороне. Примерно двадцать тысяч человек из племен, живущих в Табарсаране¹⁸, Ханалике¹⁹, Ахты-пара²⁰, Курели²¹ и других местах, прибыли во главе с Большим уцмием. Трое суток они брали пропитание и фураж у джарского племени. Лезгинские дозорные сообщили о боеспособности и снаряжении кызылбашского войска. Среди джарцев были два знаменитых предводителя, которые в смелости походили на Рустам-Дастана, а в щедрости — на Хатам Таи. Один был прозван Ибрахимом-дивана [7, 173a], а другой — Халилом. Узнав об отступлении лезгин, они не пали духом. Первым делом они поручили примерно двум тысячам прославленных своих стрелков захватить все заставы, проходы и дороги, по которым должны были пройти победоносные войска. Сами же они занялись сбором войска» [7, 178b].

¹³ Газии (гази) — Мухаммад-Казим называет так воинов-мусульман, независимо от подданства.

¹⁴ Непонятно, почему Мухаммад-Казим называет веру населения тогдашнего Южного Дагестана имамитской, т. е. шиитской, тогда как в действительности в своем большинстве оно исповедовало суннизм.

¹⁵ По-видимому, современный Курум, округ, местность на р. Курмух-чай.

¹⁶ Испорчен текст. По-видимому, надо читать Кайтак, т. е. округ кайтаков или даргинцев.

¹⁷ Вероятно, селение Кечели [5, 123], или современное селение Киш севернее Шаки.

¹⁸ Округ в Дагестане с центром в селении Табарсаран.

¹⁹ Под Кубой, лежит к востоку, в горах, граничит к северу с горой Шаком [3, 104].

²⁰ Судя по контексту и по маршруту Ибрахим-хана, селение Ахты-пара соответствует населенному пункту с тем же названием, в котором в настоящее время находится районный центр.

²¹ По-видимому, Кер-Оглы. «На юг от Пармашки лежит Кер-Оглы» [5, 123].

Вторжение Ибрахим-хана и отдельных его отрядов в глубь дагестанских гор происходило следующим образом:

«Ибрахим-хан приказал ширванским, грузинским войскам во главе с Хан-Джаном и Мухаммад-Кули-ханом Афшаром вступить в горы и, если какой-либо лезгинский отряд займет дороги и тропы, постараться изгнать его. Хорасанским стрелкам с тысячниками²² Алихан-беком и Али-Наки-беком было приказано выйти из города Дербенда [в сторону] летних стоянок и заняться отражением непокорных. Вслед за этим сам Ибрахим-хан с победоносным войском направился вверх в горы. Во время прибытия ширванских и грузинских войск лезгины, занимавшие проходы, начали смертоносную стрельбу. Каждым выстрелом они поражали одного храбреца. Когда грузинские воины увидели это, часть их, подобно златокрылой птице, с тыла поднялась на вершину той горы и начала обстреливать лезгин. Лезгинские газии не выдержали натиска грузинских воинов: некоторые были убиты, некоторые взяты в плен, другие побросались с горы и разбились [7, 1736]. Те, которых пощадила смерть, с большим трудом выбрались из того опасного места.

Хорасанские стрелки с другой стороны поднялись в горы, огнем мушкетов сокрушили защитников укрепленных летних стоянок и заняли их твердыни. Со всех сторон в горы поднялись победоносные газии, овладели укреплениями и кишлаками врага. Затем на те горы взошел Ибрахим-хан с победоносным войском. Там поставили двухглавую палатку для Ибрахим-хана и предводителей войска. На следующий день... последовал приказ Ибрахим-хана десяти тысячам азербайджанских молодцов двинуться к жилищам джарцев и, если они там собрались и укрепились, разграбить и перебить их. Эти газии пошли к их месту пребывания. Малая часть того племени, которая оставалась на своих местах, после схватки и стычки была убита или взята в плен победоносным войском. В четырех фарсах²³ от того места увидели сильно укрепленную башню, которая поднималась ввысь до небесного свода, а величиной равнялась планете [7, 174a].

В тех горах [газии] увидели людей. Стали о них расспрашивать, и пленные из того племени (джарцев) рассказали: „Ибрахим-дивана и Халил — охотник на львов с малым числом [войска] укрепились в том месте. Кызылбашские предводители назначили для их истребления две тысячи человек“. Во время прибытия победоносного войска, когда оно вступило на вершину горы, Ибрахим-диване с малым числом людей за половину звездного часа разбил это двухтысячное войско, люди этого войска, раненные и несчастные, обратились в бегство и вернулись с сердаром. В тот же день Ибрахим-хан прибыл на это место, а оно было главным укреплением джарцев. Когда он узнал о смелости [их], он пожелал назначить часть победоносного войска для их отражения. Хан-Джан доложил Ибрахим-хану: „Если назначенные газии опять с этого места и через это ущелье пойдут туда, где были разбиты те две тысячи, даже если теперь их будет сто тысяч — ничего не сделав и не достигнув цели, вернутся обратно. Если же высокий кортеж останется в крепости, которую построили в укрепленных летовках, с той стоянки довольно легко я пройду отдельной дорогой, которую нашли грузины, и, пока узнают об этом лезгины, поднимусь на ту гору, захвачу то безмятежное племя и легко смогу разбить и рассеять его“. Предложение было одобрено Ибрахим-ханом [7, 174b].

²² Минбаш и — тысячник. Это звание, как и другие аналогичные звания (юзбаш и — сотник), превратилось в военный чин и не зависело от числа воинов, находившихся под командованием данного лица.

²³ Фарсах (или фарсанг) — около 6 км.

Он приказал, чтобы победоносные войска, отряд за отрядом, направились бы горами и долами. В это время Ибрахим-хану доложили, что позади есть башня высотой в пять зар'ов²⁴, и часть лезгин находится в ней. Согласно приказу Ибрахим-хана, было поручено Мухаммад-Кули-хану, беглярбегу Ширвана, с его газиями напасть на ту крепость и захватить ее. Во исполнение приказа Ибрахим-хана крепость штурмовали до захода солнца. Двенадцать человек лезгин оттуда [из башни] стреляли, и около четырехсот человек ширванских молодцов убили. Когда кончились пули у лезгин, они бросились с вершины башни, с мечами в руках атаковали [кызылбашей] и до тех пор сражались, пока не были зарублены мечами газиев. Ширванские воины так же со склона той горы вернулись в свои укрепления» [7, 175a].

По словам Мухаммад-Казима, дагестанские предводители Ибрахим-дивана и Халил — охотник на львов пришли к заключению, что наступил решающий момент в их борьбе с завоевателями. Дагестанцы решили либо погибнуть, либо победить. Ибрахим-дивана предложил смелый план борьбы с завоевателями, который и привел к гибели Ибрахим-хана и разгрому основных его сил. Рассказ Мухаммад-Казима об этих решающих боевых событиях очень ярок и интересен:

«С другой стороны, Ибрахим-дивана и Халил лезгинский узнали о продвижении Ибрахим-хана и так порешили со своими предводителями и вождями племен: „Если кызылбашское войско продвинется с тыла и захватит вершину горы, то поставит нас в тяжелое положение и уничтожит. Первым делом, уповая на бога, в полночь пойдем и засядем между укреплением и легкой стоянкой. Во время продвижения победоносного войска уничтожим его смертоносным обстрелом с двух сторон [7, 175a]. Все мы или будем убиты, или попадем в плен, и если пленят наших жен и детей, мы этого при жизни не увидим“.

Наконец, в тот день предводители, вожди племен и старейшины Джар и Телле выбрали примерно семьсот прославленных стрелков, которые огненными пулями в темную ночь могли попасть в чешуйку змеи. Они отделились под начальством Ибрахима и Халила. Попрошавшись с племенем и родом, в ту темную ночь направились на великое дело. Войдя в леса, которые были на пути Ибрахим-хана, сели в засаду. Они находились там, пока не прошли по склону горы лезгинские и ширванские войска, воины племен мокадам, думбули и прочие. По небесному предопределению и велению вечного рока, ни один кызылбаш их не заметил, хотя они сидели у прохода. После прохождения упомянутых войск в те горы вступил Ибрахим-хан с хорасанскими стрелками и с несколькими ханами и предводителями. Когда они дошли до середины гор, то внезапно с двух сторон, [сидевшее в засаде] удачливое сборище начало стрельбу. Хорасанские же стрелки, ничего не видя, также приготовились к стрельбе, и сражение началось [7, 175b]. Каждая стрела, которая вылетала из рук лезгин, поражала грудь одного или двух хорасанских храбрецов. Как ни старались Ибрахим-хан и его предводители что-нибудь разглядеть, устремляя взоры во все стороны, они ничего не видели, кроме пуль, которые сыпались, подобно каплям весеннего ливня. В какую бы сторону они ни смотрели, ничего не могли увидеть, [будто] не было ничего, кроме шальных смертельных пуль, поражавших в грудь и в бока смельчаков. Ибрахим-хан познал коварство и хитрость лезгин, хотя он побуждал хорасанских стрелков к сражению, они стреляли, никого не видя. Но какая польза [от этого]? То хитрое племя поражало выстрелами со всех сторон, и когда люди того порочного племени подметили слабость и беспомощ-

²⁴ 3 а р — мера длины, равная 107 см.

ность победоносного войска, они осмелели, и базар сражения разгорелся.

В разгар этой схватки Ибрахим-дивана узнал Ибрахим-хана и послал в его сторону смертельную пулю. По божьей воле и вечному предопределению, та пуля попала в голову Ибрахим-хана и ранила его. Другая пуля попала в знаменосца, и он, опрокинувшись, покатился. В это время Огурлу-хан, правитель Ганджи, подбежал к Ибрахим-хану и закричал: „Да стану я жертвой ради тебя! [7, 176a]. Не место [здесь] стоять, ударь скакуна кнутом и доскачи в [укромный] угол, так как враг хитростью и обманом сделал свое дело“. Ибрахим-хан сказал: „Да покроет земля мою голову, если я живой убегу с поля битвы“. Огурлу-хан настаивал, как вдруг другая пуля попала ему в грудь, и он был убит. В тот момент он вскрикнул и сказал своему брату Хасан-Али-хану: „Ты выведи Ибрахим-хана, если, не дай бог, что-либо с ним случится, то завтра от великого гнева сахибкирана горит весь Азербайджан“. В это время еще одна пуля попала в лоб Хасан-Али-хану, и он тоже был убит. Каждый предводитель и вождь племени, который подходил к Ибрахим-хану, говоря, что здесь не место оставаться, не достигал цели. Ибрахим-хан перестреливался с врагами, подстреляя храбрецов на битву. С другой стороны Ибрахим и Халил смело выступили вперед, напали на кызылбашских воинов и начали убийство и грабеж. В это время пуля попала в руку Ибрахим-хана, и он содрогнулся. В это же время другая пуля попала в коня, и он повалился. Когда Ибрахим-дивана это увидел, другой раз выпалил из смертоносного оружия; пуля попала в грудь Ибрахим-хана и прошла через него насквозь. Ибрахим-хан прислонился к дереву и попросил глоток воды. Тогда Алихан-бек минбаши дал ему чистой воды. Не отпив и глотка, Ибрахим-хан умер. Это произошло в месяце ша'бана 115(?) года²⁵. В тот тягостный день страх перед смертью вселился в славных сарбазов и храбрецов. Не дожидаясь смерти, они бежали с поля битвы, а лезгинские воины в тот день убивали кызылбашских бахадуров. По небесному предопределению и вечному року, такое славное и гордое войско было разбито и побеждено» [7, 176b].

Гибель Ибрахим-хана и разгром основных сил его отряда послужили сигналом к отступлению, точнее, к бегству из Дагестана и остальных отрядов войска завоевателей.

«Часть войска, еще до прибытия Ибрахим-хана по горным склонам достигшая своих укреплений, узнала о поражении Ибрахим-хана. Тогда Мухаммад-Керим-бек Ишик-акаси-баши²⁶ Афшар, который был назначен Ибрахим-ханом [командовать], двинул войско и направился к берегам Аракса. Лезгины, преследуя их, захватили брошенное в укреплении имущество. Упомянутый Мухаммад-Керим-бек, благодаря полноте своего таланта и умению руководить войском, прибыл к берегам реки Аракс. По пути Хан-Джан, правитель Грузии, взял свои войска и направился в сторону горы Эльбрус²⁷. Часть дербентцев и ширванцев не поладили с Мухаммад-Керим-беком, они направились в сторону своих провинций. Прославленный Мухаммад-Керим-бек в сопровождении Самад-бека Табризи и воинов-туркмен, мокадам и прочих хорасанских газиев, перейдя упомянутые реки, прибыл к месту переправы. Некоторые вплавь, а другие по мосту переправились со своими конями и на четыре-пять дней там остановились [7, 177b]. Однако очень

²⁵ Текст испорчен. По Мехди-зану [10, 343], это произошло в 1151 г. в месяце ша'бана (14.XI — 12.XII.1738).

²⁶ Начальник дворцовых слуг, церемониймейстер. В эпоху Надира это было также придворное звание.

²⁷ Северо-западнее г. Тбилиси.

многие в реках Окри-чай, Каник-чай²⁸, Аракса и Куры стали добычей рыб и жертвой водоворота божьего гнева» [7, 178a].

Наконец, заслуживает внимания рассказ Мухаммад-Казима о попытке дагестанцев освободить шестнадцать своих соплеменников, раньше еще, до похода Ибрахим-хана, попавших в плен к кызылбашам и находившихся в табризской тюрьме. За их освобождение дагестанцы предлагали выдать тело убитого Ибрахим-хана. Однако упомянутые предводители в ответ написали: «Самовольно мы не можем выдать заключенных, но если захотите золота весом, равным весу тела [Ибрахим-хана], на этом и поладим» [7, 177b]. Лезгины это предложение не приняли, считая, что казна кызылбашей пуста. В конце концов [кызылбашские] предводители сказали: «Подождите, пока мы доложим об этом Надир-шаху». С таким ответом лезгины вернулись к себе [7, 177b].

Из слов Мухаммад-Казима видно, что дагестанцы имели и другой план освобождения своих пленников. План этот им удалось осуществить. Мухаммад-Казим рассказывает об этом так: «Однако [что же касается] шестнадцати заключенных, которые по небесному предопределению находились в заключении в Табризе. Некто по имени Ахмад из молодцов и вождей племени [7, 178a] из местности Кирам и Киак (Кайтак) вызвался пойти и освободить упомянутых [заключенных] и вернуть их. По прибытии в обитель власти Табриз [Ахмад] нарядился в одежду купца и на площади Сахиб-Аз-замана остановился в одном караван-сараяе. Ткань, которую он привез с собой, он продал. Взамен купил быстроходных коней. Под пятницу приносил немного еды в тюрьму и отдавал тюремному смотрителю, говоря: „Раздай ее узникам и попроси их молиться за меня“. Другой раз он попросил посмотреть внутренность тюрьмы. Сторож тюрьмы без препятствий открыл дверь, и тот изворотливый человек вошел в тюрьму. Во время осмотра бросил в подол одного заключенного напильник и письмо, а сам вышел. Заключенные узнали его тайну. Ночью распилили свои цепи и оковы и ждали, каким образом [он] и под каким предлогом их освободит, так как стены и двери этой тюрьмы были из черного камня. Тот обманщик [Ахмад], закончив свои дела, в полночь подошел к задней стороне тюрьмы, сделал подкоп и довел его до середины тюрьмы и тех шестнадцать человек провел через этот ход. В ту же ночь на упомянутых лошадях они покинули крепость и стены Табриза и направились к своей цели [на родину]. На следующий день на закате смотритель тюрьмы открыл дверь, чтобы дать хлеба и воды заключенным, но не увидел их следа. Когда [сторож] увидел подкоп, то от страха перед гневом Ибрахим-хана решил бежать и направился в сторону Арзарума. В то же время [7, 178b] пришло известие о поражении Ибрахим-хана».

Из этих слов видно что в Табризе не знали о поражении Ибрахим-хана, а переговоры велись с Мухаммад-Карим-беком, который стоял на берегу реки Куры. После освобождения шестнадцати своих узников дагестанцы, естественно, не были заинтересованы в сохранности тела своего врага Ибрахим-хана (как мы видели извлекать какие-либо материальные выгоды из этого они отказались), в связи с этим не приходится удивляться участи, постигшей тело Ибрахим-хана, о чем Мухаммад-Казим приводит достаточно выразительный рассказ:

«Между тем лезгинские предводители вернулись домой. Джарцы узнали об их возвращении. После того как кызылбашские предводители сказали: „Мы доложим Надир-шаху, и какой приказ будет, так и сделаем“, джарцы вынули тело Ибрахим-хана из гроба и повесили его

²⁸ Река Алазань [1, 91].

вниз головой на дереве, [говоря]: „Так как наши предводители в тюрьме, пусть его тело так же страдает“. А после прибытия своих предводителей они сожгли его тело и развеяли прах по ветру.

Короче говоря, Мухаммад-Карим-бек и Самад-бек и прочие главы пошли по берегу Куры, пройдя некоторое расстояние, дошли до города Ганджи. Пройдя это место, они покинули Хасан-Кули-хана, брата Огурлу-хана, и направились в обитель власти город Табриз. После поражения они отправили гонцов ко двору покорителя мира [Надира]. [Гонцы] доложили о происшедшем у подножья престола халифата. Упомянутые предводители вошли в обитель власти Табриз и там остановились и приступили к исполнению траурных обрядов».

Таков был конец Ибрахим-хана. Брат знаменитого завоевателя, наводившего ужас на соседние страны, вторгся в Дагестан с отборным войском. Но здесь он не снискал себе лавров. Он встретился с мужественным сопротивлением горцев, ценивших свободу больше жизни, и потерпел полное поражение.

История этого эпизода составляет одну из славных страниц прошлого народов Дагестана. Она изложена по сочинению Мухаммад-Казима. Здесь важно подчеркнуть, что, как мы знаем, Мухаммад-Казим, ревностный почитатель Ибрахим-хана, а следовательно, лицо, никак не сочувствующее населению Дагестана, тем не менее был вынужден отдать должное мужеству, проявленному дагестанцами.

Своей кульминационной точки борьба дагестанцев достигла тогда, когда Ибрахим-хан приблизился к округу Джар и Телле и отдал приказ о нападении на эти селения.

Гибель Ибрахим-хана стала поводом для вторжения в Дагестан Надир-шаха с гораздо большим войском. Но и самому грозному завоевателю не удалось сломить сопротивление народов Дагестана. Борьбу дагестанцев против этого завоевателя лучше всех описал также Мухаммад-Казим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиханов, Аббас-кулу ага. Гюлистан-и Ирам, Баку, 1970.
2. [Бутков П. Г.] Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год П. Г. Буткова, часть первая, СПб., 1869.
3. [Гербер И. Г.] Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером, [б. м., б. г.].
4. Материалы по истории Туркмен и Туркмении, т. II. XVI—XIX вв. Иранские, Бухарские и Хивинские источники, М.—Л., 1938.
5. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., М., 1963.
6. Мухаммад-Казим, Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Та'рих-и 'аламā-рā-йи надири), пер., предисловие и прим. П. И. Петрова, М., 1961.
7. Мухаммад-Казим, Наме-йи, 'Аламā-рā-йи Нāдири (Мироукрашающая Надирова книга), т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
8. Новосельцев А. П. Героические страницы боевого прошлого народов нашей страны. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в.,—«Вопросы истории», 1972, № 5.
9. [Lockhart L.] Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources by L. Lockhart, with a Foreward by E. Denisson Ross, London, 1938.
10. Мухаммад Мехди ибн Насир Астрабади, Та'рих-и джахāнгушай Нāдири, Бомбей, 1309 г. х.